

Езаова Мадина Юрьевна

**ЯЗЫКОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ РОДСТВА
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА**

В данной статье рассматриваются коды культуры лексико-семантического поля родства в кабардино-черкесском языке. На основе анализа фразеологических единиц, связанных с понятием родства, выявляются культурные коннотации и строится типология культурных кодов родства. Выделены следующие коды: соматический, зоонимный, фитонимический, мифологический, природный, предметный, гендерно-возрастной и пищевой. При этом рассмотренные коды культуры взаимодополняют друг друга.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 98-101. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В данной статье рассматриваются коды культуры лексико-семантического поля родства в кабардино-черкесском языке. На основе анализа фразеологических единиц, связанных с понятием родства, выявляются культурные коннотации и строится типология культурных кодов родства. Выделены следующие коды: соматический, зоонимный, фитонимический, мифологический, природный, предметный, гендерно-возрастной и пищевой. При этом рассмотренные коды культуры взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова и фразы: культурный код; соматический код; зоонимный код; фитонимический код; мифологический код; предметный код; природный код; гендерно-возрастной код.

Езаова Мадина Юрьевна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
madinaezaova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ РОДСТВА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Коды культуры присущи человеку и универсальны. Но их вербализация в отдельной культуре, а также языковые приемы, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой.

Цель данной статьи – показать культурные коды, связанные с лексико-семантическим полем родства в кабардино-черкесском языке. Для достижения цели ставится задача проанализировать национально-культурные коннотации фразеологических единиц (ФЕ), связанных с понятием родства.

Отношения родства могут иметь в кабардино-черкесском языке также не прямые, метонимические и метафорические обозначения, из которых самыми регулярными являются соматизмы, зоонимы и фитонимы. Известно о неслучайности связи понятий с этими тремя лексическими пластами. Социальные отношения выражаются в языке с точки зрения антропоцентризма традиционной картины мира, а также обращением к растительному и зоонимическому кодам для обозначения социальных отношений (биологизм). В адыгском социуме характерна тенденция к расширению понятия родства, что выражается в языке, который обладает национально-окрашенными культурными особенностями. Мы наблюдаем распространение этой категории родства за пределы собственно кровно-родственных отношений, определяемых связью людей по рождению. Следствием этого и является формирование расширенной системы видов родства, в разной степени и в разных направлениях. Такие виды отступают от общепринятой модели генетического родства, характеризующейся тем не менее цельностью и упорядоченностью. В связи с этим кодов культуры, связанных с лексико-семантическим полем «родство» в языке, можно обнаружить гораздо больше общепринятых, «базовых»: соматический, природный, предметный.

1. Соматический код родства – самый часто встречающийся в любом языке. «Пространственные различия первоначально самым тесным образом связаны с определенными материальными различиями, а из них особое значение имеет различие собственного тела, служащее исходной точкой всей дальнейшей ориентации в пространстве. Получив ясное представление о собственном теле, осознав его как замкнутый и внутренне упорядоченный организм, человек пользуется им как своего рода моделью, строя по его подобию весь мир. Тело служит человеку первичной системой координат, к ней он постоянно возвращается и на нее постоянно ссылается – и из нее же он тоже заимствует обозначения, необходимые для обозначения его пространственной экспансии» [9, с. 60]. Части тела в данном коде наделяются определенными функциями. Паремии, содержащие названия соматизмов, имеют большое значение и отличаются высокой частотностью употребления. Как утверждает В. В. Красных, соматический код можно выделить как один из самых ранних существующих кодов, так как человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. Затем постигается окружающий мир. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же [6, с. 233].

Адыги, обозначая кровных родственников, обычно используют слово *лбы* – «кровь»: *лбыкIэ кьыдгухьэр* [1, с. 156] / *кровью к нам подходят* (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Е.), *дилъ ицIэтиц* [Там же, с. 65] / *в них течет наша кровь* и т.д. Кроме того, для обозначения кровных родственников приводится термин *лыхьлы* (араб.) [9, с. 162]. Особого внимания заслуживают признаки родства по плоти и кормлению. Термины *лы* (букв.: мясо) «плоть» и *зыл* «единая общая плоть» постоянно используются для обозначения этой формы родства. В языке западных адыгов имеется лексема *лэгъу*. Она применяется сейчас в значении «ровесник», но буквально так и переводится – «сородич по плоти» и, видимо, восходит к этому первоначальному значению. Общее значение родства могут иметь также слова *кьуицхьэ* (кость) – *ахэр кьуицхьэшхуэ лъэпкъ* (это порода крупнокостных), *лакьуэ* (колени) – *...адыгэ лъэпкъым и лакьуэ пщыкIутI!*. (12 колен адыгского народа): *Адэ лгэужьыниэрэ лыниэ кьуицхьэрэ* [1, с. 150]. / Отец без наследников подобен кости без мяса; *лы* (мясо): *Лым и лыр мэуз* [Там же, с. 78]. / букв.: Мясо мяса болит (чем ближе родство, тем больше переживаний); *Кьуицхьэм и гьунэгъу лыр нэхь мажэ* [Там же]. / букв.: Мясо, близко находящееся к кости, жарится лучше, т.е. чем ближе родственник, тем больше за него болит

душа; *псэ* (душа): *мамэ и псэ, анэм и псэ* (фр.) / душа мамы, душа матери – часть души (букв.: вообще душа, смысл жизни); *к1эт1ий* (кишки): *к1эт1ий к1анэ* (фр.) (кончик кишок) – имеется в виду пупок – *ар абы и к1эт1ий к1анэц* [2, с. 88] (это кончик его кишки); *бынжэ* (пуп) – *бынжэ к1э зэпхац* [Там же, с. 12] (связаны пупком); *дзэжэ* (ребро: во всех авраимических религиях женщина сотворена из ребра Адамова) – *Си дзэжэ хитхьауэ сф1эц1ац* [7, с. 256]. / букв.: Мне показалось, что он вырвал у меня ребро (при негативных известиях о родственниках (чаще детях)); *цхьэ* (голова), *пицэ* (шея) – *л1ыр цхьэмэ, физыр пицэц* (разг.) / букв.: если муж голова, жена – шея. Но «телесное родство» не исключает кровного родства. Это усиление, удвоение выражения кровного родства, когда в быту, указывая на исключительную близость родственной связи, часто говорят: *л1ык1и л1ык1и зэпхац* / букв.: и кровью, и плотью связаны. *К1уэм и псэр анэм и псэф1ыг1эц* [1, с. 156]. / букв.: Душа сына у матери на шее (ямочка на шее у народа символизируется с душой; при словесных клятвах, при проявлении большого чувства адыгам свойственно дотрагиваться до нее). *Анэ и гыбзэ быдз зэхуаку дэ к1к1ым* [Там же, с. 150]. / букв.: Проклятье матери не выходит дальше ее груди. *Анэр нэци, адэр лэпк1ыц* [Там же]. / букв.: Мать – как глаза, отец – это род. *Быныниэ адэрэ лы зытемыл1э к1утицхьэрэ* [Там же, с. 152]. / букв.: Отец без потомства подобен кости без мяса.

2. Фитонимический код родства отражает представления человека о мире растений. Он представлен понятиями, относящимися к родству, за которым стоит образ родословного древа. По мнению В. В. Красных, стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей. Они приписываются данной единице и репрезентируют образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его (образа-представления) национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [6, с. 232].

К1удамэ (ветвь): *си к1удамэ ц1ык1уу к1ык1уэжэ* (разг.) / букв.: мои проросшие ветки; *к1уэпс* не только растительный код, но и географический (побеги: часто употребляется в речи адыгов по отношению к детям, внукам: *а лэпк1ым я к1уэпсхэм куэду заубг1уац / побеги* (букв.: имеется в виду потомство) этого рода широко распространились); *к1уиц1э* (косточка, семя): в терском говоре имеет место вокатив «*к1умпк1э*», что переводится не только как семя, но и суть, ядро (распадается на морфемы *к1у* (середина, сердцевина) + *м* (эргативный падеж) + *пк1э* (часть), что зачастую употребляется по отношению к семье); *к1уэц1* (утроба): *зы к1уэц1 к1ык1а* [2, с. 80] / единоутробные (букв.: вышедшие из одной утробы). Семантический анализ приведенных выше лексем вызывает интерес. Каждая из них – часть целого, или «отросток, ветка», или «серцевина».

Благ1э х1умэнрэ ху жылэ х1умэнрэ зэхуэдэц [1, с. 151]. / букв.: Сохранить родство так же трудно, как удержать, не рассыпав, просо. *Благ1эри к1урэ цхьэ к1эм к1ыпаци к1ык1ым* [Там же]. / букв.: Родственников не срывают с грубой ветки (мол, на дороге не валяется, надо дорожить родством). *Зи к1уэпс зэзымпэсыж к1удамэ, зи к1удамэ зэзымпэсыж тхьэмпэ* [Там же]. / букв.: Ветка, не признающая свой побег, лист, не признающий свою ветку.

3. Предметный код культуры отражен в предметах окружающего пространства, которые ассоциируются с понятием «родство». Предметный код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человека мира [6, с. 305]. В адыгском языке имеется группа ФЕ, в которых есть предметные сравнения: *зы к1уицхьэ хуэдэ* [2, с. 80] / как с одного шаблона, *зы чысэ хуэдэ* / как будто в одном кисете (разговорн.), *и к1уапэц, и г1уапэц* [3, с. 56] / букв.: его угол, его рукав – это его часть, край. Это этнокультурные, своеобразные ФЕ, которые в большинстве случаев не переводятся на русский язык. В этих фразеологических единицах проглядывается присущая адыгской ментальности сдержанность эмоций. Так, говоря о людях, между которыми теплые (родственные) отношения (чаще о супругах), адыги употребляют выражение: *Я псэр зы чысэ ил1ыц* [1, с. 167]. / букв.: Их души в одном кисете находятся. Или, отмечая внешнее сходство родственников: *Зы к1уицхьэм к1ык1а хуэдэ* [2, с. 80]. / букв.: Как будто из-под одной формы (шаблона) вышли. Морально-этические качества, относящиеся к исследуемой тематике, представлены предметно-бытовым кодом: *Анэ и г1уапэ пхум и бзыпхьэц* [1, с. 69]. / букв.: Мамин подол для дочери лекало (все по примеру матери). *Благ1эжэрэ дыжыныжэрэ*. / букв.: Давнишний родственник подобен старому серебру (возрастает в цене). *Ет1уанэл1рэ Иул1э Иуданэрэ* [Там же, с. 153]. / букв.: Второй муж – как нитка для шитья. *К1уэр унэм и пк1оц, пхур унэм и ц1эрац1эц* [Там же, с. 156]. / букв.: Сын – это опора дома, а дочь – украшение. *Л1ыр физрэ мацэ т1а яку дэл1ыц* [Там же, с. 157]. / букв.: Между мужем и женой – вырытая яма. *Фызыф1ыр унэци, физ Иейр ц1ыунэц* [Там же, с. 164]. / букв.: Хорошая жена – это дом, а плохая жена – землянка. *Анэ бг1афэрэ хурыфэ джэдыгурэ* [Там же, с. 150]. / букв.: Грудь матери, что шуба каракулевая. *Ц1ык1у ц1ык1э к1омыг1эшир ин х1умэ к1эбг1эшыжынк1ым (к1удамэу к1омыг1эшыр бжэж1у х1умэ к1эбг1эшыжынк1ым)* [Там же, с. 86]. / букв.: Не согнув прутом, не согнешь бревном.

4. Зоонимный код культуры, моделируя языковую картину мира, закрепляется в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фонде языка [4, с. 87]. **Зоонимный код родства** в адыгском языке представлен паремиями, носящими поучительный, воспитательный характер: *Былым к1ытиц1ын нэхэрэ быныф1 к1ытиц1ын* [1, с. 151]. / букв.: Лучше, когда после тебя останутся хорошие дети, чем много живности (богатства). *Бжэн цынэ к1ыльхук1ым* [Там же]. / букв.: Коза ягненка не рождает. *Хак1уэ мых1у жылэ г1эунэх1уц* [Там же, с. 85]. / букв.: Жеребец негодный – несчастье для села. *Благ1э Иыг1ынрэ шы Иыг1ынрэ зэхуэдэц* [Там же, с. 151]. / букв.: Удержать родственника и удержать коня. *Джэд хуэдэ, быныф1эц* [Там же, с. 153]. / букв.: Как курица, многодетна. *Джэдумрэ физымрэ унэгуац1эци, хэмрэ л1ымрэ ныбг1уац1эц* [Там же]. / букв.: Женщина и кошка – хозяйки, а собака и мужчина – охотники за перепелками. *Жэм л1ак1уэ шк1э*

иукIрэ [Там же]? / букв.: Разве коровья нога убьет теленка? *Къуаргъэрэ эт, и шырым «хужь цыкIукIэ» йоджэ* [Там же, с. 156]. / букв.: Даже ворона своего птенца называет «мой беленький». *Фыз зимыIэ цIалэрэ ихуэ зытыцIэхэмьль шырэ* [Там же, с. 163]. / букв.: Неженатый парень как конь без уздечки. *Хъэндыр-къуакъуэрэ зи анэми «Си анэр гуацэц» желIэ* [Там же, с. 165]. / букв.: Даже тот, у кого мать – лягушка, называет ее княгиней. *Жэмыжьыгу* [2, с. 67] – ФЕ, которая употребляется по отношению к матери: отелившаяся корова не может на минуту оставить теленка, так и у матери – все мысли и чувства там, где ее дети. *Хамэхэ кыхьэри унэхэ ирихуац* [1, с. 66]. / букв.: Чужая собака пришла и домашнюю прогнала. Данная паремия употреблялась по отношению к врагу, завоевавшему родную землю. Но все чаще адыги употребляют ее по отношению к своенравным снохам.

5. Природный код родства можно выделить в языке отдельно от биоморфного (зоонимного и фитонимического), так как приведенные ниже лексемы и паремии связаны с природными явлениями: *Мывэ къури мэш трасэкъым* [Там же, с. 80]. / букв.: На каменистой горе зерно не сеют (речь идет о происхождении человека). *Гъатхэ дыгъэ си нысэ типси, бжъыхэ дыгъэ сипху типсэ* [Там же, с. 152]. / букв.: Пусть весеннее солнце сноху согреет, а осеннее солнце дочку греет. *Дыгъэ нэпс нэхрэ анэ бгъафэ* [Там же, с. 153]. / букв.: Мамина грудь лучше солнечных слез. *Къуэи-шыпхуэр хы къумиблым къыкъуокI* [Там же, с. 157]. / букв.: Братья-сестры из-за семи океанов выйдут. *АнэнIэсыр уэсым нэхрэ нэхэ цIыIэц, зэзым нэхрэ нэхэ дыджэц* [Там же, с. 151]. / букв.: Мачеха – холоднее снега и горше желчи.

Во всех паремиях, относящихся к данному коду, присутствует сравнение. Сравнение как национально-специфическое выражение видения мира, как ассоциативное расчленение и соединение целостных картин мира до отдельных признаков и свойств в сознании людей различных культур и языков дает возможность реально увидеть мир, в котором живет человек [8, с. 18].

6. Широко в языке представлен гендерно-возрастной код, обусловленный вековыми традициями адыгского общества. Уважение к старшим, почитание людей преклонного возраста – один из незыблемых канонів адыгского этикета (Адыгэ хабзэ). И это правило закладывается в семье. Считается, что не проявляющий уважения к старшим в семье, не будет проявлять его нигде и ни к кому. Но удивительным образом представлен воспитательный метод в паремиях данного направления: показан как отрицательный, так и положительный примеры, но ни в коем случае не допускается моральный перелом младшего поколения. К младшим относятся с большим уважением, при этом мягко, чаще на примерах, воспитывают: *Нэхъыжьэ зымыгъэланIэр цхьэ лъанIэгъуэ ихуэкъым* [1, с. 104]. / букв.: Не почитающий старшего сам не будет почитаем. *Уи адэр фIамэ, уэ уи цытхуэкъым, къуэфI упIамэ, къытыцIтхуэниц* [Там же, с. 161]. / букв.: Если твой отец был хорошим, то это – не твоя заслуга, воспитал достойного сына – похвалят тебя. *Уи быным пцIэуэ хуэцIыр уи жьыцхьэ бгъуэтыжыниц* [Там же]. / букв.: Сколько уважения проявишь к детям, столько же получишь в старости. *Уи ин желIэ, уи цыкIу гъэдаIуэ* [Там же, с. 109]. / букв.: Разговаривая со взрослыми, учи своих младших (со взрослыми говори так, чтоб твои дети слышали). *НэхъыжьыфI зилэ нэхъыцIэфIи илэц* [Там же, с. 104]. / букв.: У кого хорошее старшее поколение, у того и дети будут хорошими. *ЩIалэм ебгъэлагъур и гъуэгуэц* [Там же, с. 117]. / букв.: На что укажешь молодому, та и его дорога. *АдэфI къуэфI хуэцкъым* [Там же, с. 150]. / букв.: У хорошего отца часто не бывает хорошего сына. *Адэр шхэкIэ къуэм зигъэницкъым* [Там же]. / букв.: Сын не насытится, если отец поест.

7. Пищевой код родства чаще всего связан с понятиями «жена», «хозяйка дома», а также с изобилием, достатком. *ФызыфI(цIыхыфI) и Iэнэ зэтетиц* [Там же, с. 166]. / букв.: У хорошей хозяйки (жены) всегда стол накрыт. *Цыхубз пиэрыхь хуцанэ* [Там же, с. 115]. / букв.: Женщине дичь (добычу) уступают. *Унагъуэ Iэнэ (разг.)* / букв.: Семейный стол (имеется в виду не предмет мебели, а именно содержимое и сам ритуал). *Дыц мэжаджэ IэфIц* [Там же, с. 95]. / букв.: В родительском доме чурек вкуснее (для невестки). *Дыц пластэ IэфIц* [Там же]. / букв.: В родительском доме паста вкуснее (для невестки). *Анэ быдзышэм цIаххуэури кхуэйри хэлэц* [Там же, с. 150]. / букв.: В материнском молоке содержится и хлеб, и сыр (накормит досыта).

Адыги, некогда отведавшие вместе с кем-либо пищу, должны были считать его свойственником: *шыгъу-пластэ ди зэхуаку дэлэц* [2, с. 204] / букв.: между нами хлеб-соль; *зы Iэнэ дыпэрысац* [Там же, с. 102] / букв.: мы за одним столом сидели.

8. Мифологический код родства представлен в адыгском языке яркими мифологическими образами героев нартских сказаний. По их архетипу характеризуют отдельных людей, семьи, а иногда и род [5, с. 47]. «*Сатаней гуацэ*» (княгиня *Сатаней* – мать нартского героя *Сосруко*, образ мудрой матери), к примеру, называют всех мудрых матерей, бабушек, вообще старших женщин; фамилии, в которых генетически росли люди, называют «*иныжьэ, иныжьей лъэпкъ*» [7, с. 147] (мифологическое племя великанов); и наоборот, семьи, где все невысокого роста, называют «*исны, цыкIужьей лъэпкъ*» [Там же, с. 376] (мифологическое племя карликов). *Бзаджэнаджэ зэран къахуэхуац* [2, с. 22]. / Нечистая им мешает (чаще всего о семье, где царит разлад). *Псыхуэгуацэм иубыдац* [Там же, с. 237]. / Увлекла водяная баба (о муже, гуляющем от жены).

Отдельные лексемы, передающие значение родства в адыгских языках, могут иметь как прямое, так и вторичное коннотативное значение. Непрямое значение появляется в процессе осмысления и категоризации окружающего мира, а также – в процессе речевого производства и дискурсивной деятельности. Прагматические коннотации сопряжены с проявлением эмоционального отношения. Паремии с различными компонентами образуют в дискурсивном пространстве культурные коды родства: соматический, зоонимный, фитонимический, мифологический, природный, предметный, гендерно-возрастной и пищевой.

Список источников

1. Адыгэ псалъэжъхэр (Адыгские пословицы). Нальчик: Эльбрус, 1994. 328 с.
2. Бербеков Б. Ч., Бижоев Б. Ч., Утижев Б. К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 234 с.
3. Бижева З. Х. Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик: КБГУ, 1997. 139 с.
4. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. Нальчик: Эль-Фа, 2009. 87 с.
5. Качинская И. В. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дисс. ... к. филол. н. М., 2011. 325 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Наргы: кабардинский эпос / на кабардинском языке. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 559 с.
8. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7-22.
9. Хараева Л. Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 237 с.

**LINGUISTIC CULTURAL CODES IN THE LEXICO-SEMANTIC FIELD
OF KINSHIP OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE**

Ezaova Madina Yur'evna

*Kabardino-Balkarian State University named after X. M. Berbekov, Nalchik
madinaezaova@mail.ru*

The article considers cultural codes of the lexico-semantic field of kinship in the Kabardino-Circassian language. Analyzing phraseological units associated with the notion “kinship” the author discovers cultural connotations and develops the typology of cultural codes of kinship. The following codes are identified: somatic, zoonymic, phytonymic, mythological, natural, objective, gender-age and nutritional. Moreover, mentioned cultural codes supplement each other.

Key words and phrases: cultural code; somatic code; zoonymic code; phytonymic code; mythological code; objective code; natural code; gender-age code.

УДК 81.367.634

В статье рассматривается союзное соединение ли... или..., грамматический статус которого на сегодняшний день является неопределенным. Одни исследователи считают, что это самостоятельный разделительный союз, другие полагают, что в данном случае имеет место позиционное взаимодействие различных языковых единиц. В статье вносится предложение рассматривать это соединение как лексико-синтаксический вариант союза ли... ли..., что обуславливается общими свойствами линейного расположения элементов речи.

Ключевые слова и фразы: союз; частица; синтаксическая связь; семантика; вариант; функциональный эквивалент.

Завьялов Виктор Николаевич, д. филол. н.

*Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
victorzoff@list.ru*

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ СОЮЗНОГО СОЕДИНЕНИЯ ЛИ... ИЛИ...

Союзное соединение *ли... или...* рассматривается в русистике с различных сторон. В «Грамматике русского языка», положившей начало его системному изучению, оно было представлено при характеристике сложносочиненных предложений с разделительными союзами как самостоятельное средство синтаксической связи [5, с. 250-255]. Особое внимание было уделено его структурно-семантическим свойствам. При этом подчеркивалось, что «в центре разделительного сопоставления, организуемого им, оказывается не соотношение предложений в целом, а соотношение второго предложения с тем членом первого предложения, после которого стоит союзный компонент *ли*: *Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она, – Все благо: бдения и сна приходит час определенный...* Пушкин, Е. О., Гл. 6, XXI» [Там же, с. 250].

Однако далее, при характеристике союза *ли... ли...*, было отмечено, что предложения с этим союзом «не отличаются по своему значению от предложений с союзом *ли... или...*» [Там же, с. 254]. В этом и заключается суть рассматриваемой в настоящей статье проблемы: каково отношение соединения *ли... или...* к союзу *ли... ли...* в плане тождества и различия?

«Русская грамматика» и «Краткая русская грамматика» в целом продолжили намеченную «Грамматикой русского языка» линию на категориальное разграничение данных средств синтаксической связи. Вместе с тем необходимо отметить, что *ли... или...* фигурирует в обоих изданиях лишь в виде графической записи